

Пятнадцать тысяч монет. Средневековые китайские рассказы. Перевод и предисловие И. Т. Зограф. Ответственный редактор Л. И. Меньшиков. Москва, Издательство восточной литературы, 1962. 152 стр.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ НОВЕЛЛА

Дасцвет китайской народной новеллы приходится на Сунскую эпоху (X—XIII вв.).

Жизнь в столице тогдашнего Китая не затихала ни днем, ни ночью, такого еще не знала история Срединной империи. В храме первого министра пять раз в месяц устраивалась многолюдная ярмарка. Медовые сласти, лучшие кисти для письма, замечательная тушь из Пангу, картины, книги, пряности, изделия кустарей — чего только не было на этих базарах. В ненастье и даже зимнюю стужу не прекращалась торговля. В полночь, когда отбивали третью стражу, разносили чай, чуть забрезжит рассвет — жителей будили крики торговцев пирожками и питьем. Это было веселье столицы, жившей во многом за счет провинции. Феодалы-правители заботились только о своем благополучии, их мало беспокоило, что северные области страны страдали от набегов кочевников, что у крестьян не было денег, чтобы купить то, чем торговали на ярмарках.

Столица славилась своими актерами и рассказчиками. Под огромными навесами, вмещавшими несколько тысяч зрителей, в

специально отведенных местах выступали сказители; рядом, за загородкой, шло представление, еще дальше состязались игроки в мяч, тут же простаков зазывал гадатель и раскладывал свои книги и сонники. Сказители делились на школы: были рассказчики исторических повествований, бытовых, любовных сюжетов, любители историй о таинственных духах, поединках на мечах и палицах, о славе и удаче ученых. Самым большим успехом пользовались рассказчики бытовых историй, которые были ближе к современной им жизни, и не просто излагали традиционные народные сюжеты, но и сами творили, импровизируя и домысливая.

Самые известные сказители выступали всегда в одном месте; победнее и менее талантливые собирали ремесленников, торговцев, солдат и крестьян, приезжавших на ярмарку, прямо у колодцев и на перекрестках. Среди сказителей было, видимо, немало людей грамотных, которые записывали для памяти свои истории. К сожалению, большинство этих записей исчезло, но тридцать-сорок произведений XI—XIV веков дошло до нас почти в неизменном виде, правда, и они веками были преданы забвению, так как конфуцианские книжники считали их «низкой» литературой.

Сборник «Популярные рассказы, изданные в столице» как раз и постигла такая судьба. Составленный не позднее XIV века, он был забыт, пока в 1915 году его не нашел ученый Мяо Цюань-сунь.

Другие сборники далекого средневековья были вновь открыты и изданы только в народном Китае. Они стали любимым чте-

Удивительные истории нашего времени и древности. Перевод с китайского, послесловие и примечания В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. Москва, Издательство восточной литературы, 1962. Т. 1 — 455 стр., т. 2 — 455 стр.

нием народа и предметом многих ученых споров и исследований. Литературоведы КНР придают изучению народной новеллы особое значение, видя в ней подлинно демократическую линию развития родной литературы. Естественно, что и в Советском Союзе китайская народная новелла привлекает к себе большое внимание.

Сборник «Популярные рассказы, изданные в столице» в русском переводе назван по одному из рассказов. «Пятнадцать тысяч монет» — история, типичная для феодальной Китая, где судьи, заботясь лишь о своем кармане и карьере, приговаривали невинных людей к каторге и смертной казни.

Судьба женщины, любовь и замужество — вечные темы народных рассказов. Сочувствие к обиженной героине проходит через многие повествования. Иногда оно выражено отчетливо, как в рассказе «Фэн Юй-мэй возвращается к мужу», иногда, например, в рассказе «Честный приказчик Чжан», симпатии автора на стороне героя-мужчины; но объективно и этот рассказ рисует трагедию молодой женщины, проданной в жены старому купцу.

Сказители хотели заинтересовать слушателей, поэтому они старались выбрать сюжет поострее и позанимательнее. Они стремились растрогать людей — отсюда много печальных историй о разлуке и гибели, но одновременно они выделяли и морализующее начало, прославляя добро и наказывая порок. Обычно сказители не начинали сразу с основного повествования, а пока не собиралось побольше слушателей, излагали коротенькую историю, близкую (реже противоположную) по смыслу тому, о чем пойдет рассказ. Все эти элементы устного сказа, включая стихотворные вставки, перешли потом и в письменные варианты.

До XI века рассказчиками, по-видимому, главным образом были буддийские монахи, поэтому не удивительно, что сквозь ткань многих более поздних повествований проглядывает буддийская идея о том, что все призрачно в этом мире. Но эти чуждые народному духу представления не заслоняют от нас главного — правдивого изображения жизни простого человека.

Иная судьба выпала на долю сборника «Удивительные истории нашего времени и древности». Он был составлен между 1632—1644 гг. и сразу же стал популярен не только в Китае, но и в Японии, где уже в XVIII веке появились подражания ему. В XVIII—XIX веках новеллы из этого сборника начали переводиться на западноевропейские языки. Сборник был переведен и на монгольский язык. А совсем недавно несколько новелл из этого сборника было записано в Средней Азии у советских дунган, где эти повествования сохранились в устном исполнении. В 1909 году появился первый русский перевод одного из рассказов сборника. В нынешнем двухтомнике представлено более 20 новелл, то есть половина собрания.

К XVII веку китайская народная новелла заметно изменилась. Перед нами уже не просто записи устных сказов, а литературное повествование более отшлифованное, более развитое в сюжетном отношении. Это результат труда известных литераторов Фэн Мэн-луна и Лин Мэн-чу, из чьих сборников взяты новеллы.

Все больше ситуаций, все больше героев, похожих и одновременно разных, проходит перед читателем. Более серьезные общественные вопросы поднимаются авторами, в рассказах больше раздумий о современной жизни, о несправедливости и неравенстве в феодальной империи. Дружба до гроба и скорбь об умершем друге — тема рассказов о Юй Бо-я и Ян Цзяо-ай. И как контрастируют с ними повествования о корыстолюбивых, жадных до денег чиновниках. Много приходится перенести из-за них и Лу Наню, «любителю поэзии и вина», и «чужой невесте» Сяо-э, подаренной в дом богатого князя льстивыми чиновниками, и больше всех — Шэнь Ляню, открыто обличавшему произвол. Жизнь героев новелл далека от нас, но читателя захватывает повествование, занимательное и вместе с тем чем-то особенно трогательное. Нет нужды пересказывать здесь сюжеты, новеллы надо просто прочесть.

Переводы новелл в той и другой книге сделаны хорошо. Стиль переводов И. Т. Зограф проще, но ведь проще и сам оригинал. Переводы В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович сделаны более гладко, тут сказался большой опыт переводчиков, кроме того, надо принимать во внимание и большую литературную отделанность самих текстов. Меньше повезло стихам. В первом сборнике стихотворные переводы выполнены Н. М. Подгоричани. Некоторая наивность рифм порой сочетается, к сожалению, и с прямыми ошибками, вроде «...и оба отразились в стекле зеркальном» (стр. 140). Переводчице следовало бы знать, что в Китае тогда были только бронзовые полированные зеркала. Во втором сборнике стихи переведены Вельгусом и Циперович; местами они несколько тяжеловаты, но точны и лучше передают оригинал.

Перевод средневековых новелл всегда ставит ряд сложных вопросов: как переводить термины, реалии, названия должностей и т. п. В общем, все это сделано с умением и чувством меры. Но едва ли на месте такие слова в «Удивительных историях», как «учащийся», «пассажирское судно», «дойм», «район» и т. п.

Думается, что надо переводить максимум переводимого, чтобы читателю было легче во всем разобраться и запомнить имена и названия. Не ясно, например, почему нельзя было перевести «Чунью» — «Весны и Осени» или «Цзиньганцзин» — «Алмазная сутра» (последнее и в комментариях объясняется через столь же непонятное санскритское название). Видимо, следовало в обеих книгах переводить названия годов правления, вроде Юнлэ — «Вечная радость», и т. п. В переводе «Удивительных историй» повторены часто встречающиеся ошибки — невер-

но даны названия некоторых музыкальных инструментов. Очень странно, что в «Удивительных историях» переводчики и издательство вдруг решили отойти от общепринятого у нас написания китайских имен через дефис.

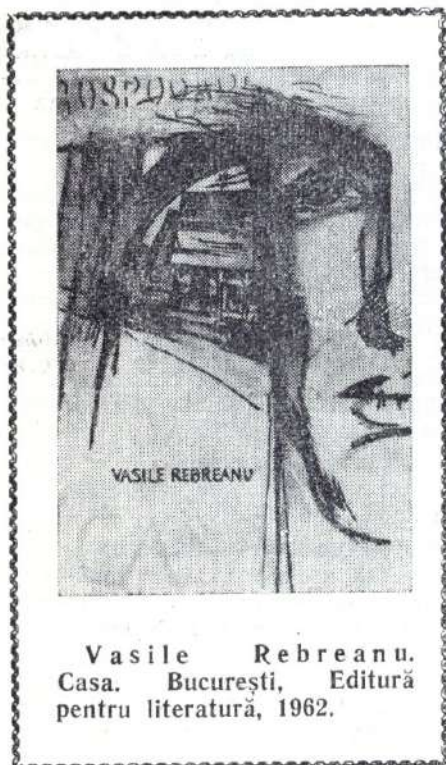
Первый сборник открывается предисловием, второй завершается обширным послесловием переводчиков. Они написаны со знанием дела, но жаль, что предисловие И. Т. Зограф суховато, в нем многое осталось нераскрытым; некоторых неточностей в датах (413, 451 стр.) и в сносках (417 и 431 стр.) послесловия к «Удивительным историям» могло и не быть.

Обе книги хорошо изданы. Они иллюстрированы большим знатоком Китая художником Л. П. Сычевым. Следовало только указать, что фронтисписы перед рассказами в «Удивительных историях» взяты из старого китайского издания. Неудачное расположение примечаний во втором томе «Удивительных историй» создает излишние неудобства для читателей.

Но все это мелкие недостатки. Знакомство советского читателя с китайской народной новеллой состоялось, и за это нельзя не быть благодарным издательству и переводчикам.

Б. РИФТИН

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

ЧТО ТАКОЕ ДОМ?

Казалось бы, ответить на такой вопрос довольно просто. Стоит, однако, задуматься, и сразу обнаруживаешь, как начинают стремительно расширяться

смысловые границы этого слова. И «дом» уже не означает только «помещение, пригодное для жилья», но и семью, живущую одним хозяйством, и хозяйство этой семьи. И здание или учреждение, в котором работает целый коллектив, и сам этот коллектив. А потом и родина и даже планета в целом...

И в каждом новом, расширенном смысловом круге запечатлен новый возраст человеческого ума, новый скачок в сознании людей.

Герои романа Василе Ребряну «Дом» с этой точки зрения — люди различного исторического возраста. А главному персонажу, Исае Йоце, суждено проделать долгий путь от самого узкого понимания слова «дом» до самого светлого и высокого. Но в книге молодого румынского прозаика раскрыто еще одно значение этого слова — собственническое, трагическое, в нем гораздо меньше от «крыши над головой» и гораздо больше от «земли под ногами».

Земля. Для вчерашнего пахаря она олицетворяла все то, что человек привык вкладывать в понятие благополучия, семейного тепла, счастья. И «Дом» Василе Ребряну — книга о последнем этапе коллективизации сельского хозяйства Румынской Народной Республики — повествует о людях, которые в ходе этого процесса постепенно освободились от страшного фетиша собственности, от «жажды земли».

Итак, это рассказ о труднейшем и величайшем деле революции. И хотя перед

СРЕДИ КНИГ